

Буйства польской шляхты над униатскими священниками

В последнее время в белорусской публицистике Речь Посполитую называют государством «обоих народов». Только при этом не всегда делается пояснение, кого нужно понимать под «народом». Это понятие нельзя связывать с этничностью в современном понимании. Речь не шла о «поляках» и «литвинах» (или «русинах») в этническом отношении, а «политическом народе» двух соединенных государств. «Народ» этот говорил на языке польском, назывался «шляхтой» (рыцарством), считался элитой и возводил свое происхождение к легендарным кочевникам-«сарматам».

Однако за пышными фразами о доблести и вольности сильнее всего в шляхетской идеологии давал о себе знать «гонор» (честь). Речь Посполитая стала страной неумеренного польского гонора, стоявшего выше любых законов. Сами законы действовали здесь в пользу только одного сословия — шляхты. Сословный суд обеспечивал безнаказанность многих поступков, осуждаемых на бумаге. «Польша стоит на безвластии» — эта поговорка XVIII века с горечью отмечала настоящий характер государства шляхетской демократии.

В то время, когда в бытность русского царя Петра I в Полоцке произошел инцидент с убийством базилианских монахов <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/05/o-polockih-uniatah-i-uniatskoj-mifologii-47724.html>, в белорусско-литовских областях шляхтичи практически безнаказанно творили похожие дела. Издевательства над православными были в обычае и случались повсеместно, но совершались побои и даже убийства униатских священников, протестантских пасторов. Вспомнить об этих жертвах тем более естественно, что в их память никто не совершает крестные ходы, предпочитая славить «золотой век» шляхетской свободы, который справедливее назвать временем беспредела.

Высокомерный польский гонор не считался с духовным саном униатских священников. С некоторой долей уважения шляхтич относился разве что к латинскому ксендзу, согласно поговорке «что ксендз — то шляхтич, что поп — то холоп». Впрочем, напасть на церковное имение (неважно, какой конфессии), ограбить амбары, увести скот, побить крестьян — было обычным рыцарским «подвигом» шляхтича. Что говорить, когда сам двор униатского митрополита Льва Заленского в Гродно подвергся в 1697 г. разбойному нападению пинского стольника Доминика Роникера. Он вместе с вооруженными слугами ворвался в резиденцию митрополита, нанес побои священникам Александру Петровичу, Стефану Германовичу и Павлу Гомолицкому, которые пытались урезонить нападавших, и учинил погром, оцененный в 8000 польских злотых.

Однако случались и более возмутительные преступления. Вот одно из дел того времени, которое разбиралось в Литовском трибунале в 1702 г. Местечко Боруны Ошмянского района издавна славится чудотворным образом Богородицы, который почитают как католики, так и православные. Икона приобрела известность в 1692 г., когда местный землевладелец Николай Песляк под впечатлением от чудес принял духовный сан и заложил

каменный храм. По его завещанию здесь был основан униатский (базилинский) монастырь, попечение над которым было передано родственникам — Яну (сыну Николая), Петру, Василию и Якову Песлякам. Ян Песляк должен был принять монашество и закончить начатое строительство. Однако под видом попечения (колляторства) Песляки стали воровать и продавать драгоценности, заниматься вымогательством денег будто бы на украшение чудотворной иконы. Вырученные таким образом средства тратились на попойки и разврат. Дело доходило до того, что в монастыре не оставалось ни одной бутылки вина для совершения литургии — все тратилось на увеселения. Монахи монастыря Бобрикевич, Богша, Кишчиц и братья Завадские неоднократно убеждали Песляков прекратить эти безобразия, но те не унимались. Более того, они ходили по кельям и избивали монахов так, что Бобрикевич умер от побоев плетью. Священник Ромуальд Павловский получил удар обухом по голове, истекал кровью и чуть выжил. Шляхтянку Свидзинскую засекли до смерти розгами. Слух обо всем этом дошел до митрополита Льва Заленского, который лично посетил Боруны и попытался подействовать на колляторов. Однако те и не думали исправляться. Тогда митрополит отлучил их от Церкви и приказал повесить соответствующий указ на дверях храма. Но Песляки сорвали отлучение и ругали митрополита и монахов. Это, наконец, вывело базилиан из терпения: они напали на дом Песляков, учинили обыск, сковали пьяного Яна Песляка и с подачи митрополита передали дело на рассмотрение Литовского трибунала. Судебный иск оценивался в 300000 злотых. Было назначено расследование, опрошены со стороны базилиан 24 свидетеля (8 шляхтичей и 16 мещан), а со стороны Песляков 50 свидетелей-шляхтичей. Слушание закончилось тем, что Песляков лишили права попечительства над монастырем, а денежные претензии базилиан оставили без удовлетворения. Так-то преступникам сошло с рук это позорное дело.

Характерный случай имел место при отступлении русской армии с территории Литвы в 1708 г. в повете Вилькомирском. В деревне Бимберы, принадлежащей католическому монастырю регулярных каноников (монахов-священников), произошло нападение на четырех русских солдат: двое были убиты (тела утопили в соседнем озере, имущество разграблено), а двое убежали. Нападавшими были Ежи Кульвинский с двумя сыновьями. Регулярные каноники, опасавшиеся мести со стороны русского войска, отправили к Кульвинским делегацию в составе ксендза Михаила Романовича и шляхтича Александра Котловского для составления соответствующего акта. На панском дворе их встретили с саблями и кольями, начали избивать, в результате чего ксендз был ранен, а шляхтич от полученных ран вскоре умер. Кульвинские похвалялись сделать то же самое с настоятелем местного костела Киприаном Войной. Регулярные каноники постарались внести запись, снимающую с них ответственность за убийство русских солдат, в судебные книги виленского магистрата.

Впрочем, беспредел в Вилькомирском повете творили и сами католические ксендзы. В 1697 г. католический священник Станислав

Липовский, настоятель костела в Купишках, будучи изрядно навеселе, напал на проезжавшего мимо евангелического проповедника Андрея Лисецкого. Ксендз увез проповедника в свой дом, приказал связать ему руки и ноги и затем избивал всяким оружием в течение трех дней так, что узника пожалели даже шляхтичи-соседи. Напоследок Липовский взял с полуживого Лисецкого расписку, что пострадавший не имеет к нему никаких претензий и отпустил. Через некоторое время проповедник от полученных увечий скончался. Ксендз остался, понятно, без наказания.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают случаи шляхетского беззакония. Это лишь отдельные иллюстрации за короткий период (конец XVII — начало XVIII века) тех дел, которые творились в государстве «шляхетской демократии». Они показывают как мало почитался в Речи Посполитой духовный сан, светские и церковные нормы, международные договоры, как грубо и безнаказанно вели себя носители сарматской идеологии в отношении католиков-униатов, не говоря уж о разноверцах-диссидентах.

Священник Алексей Хотеев